

Ярослав Бабкин

ПАР, СВИНЕЦ И ЭЛЕКТРИЧЕСТВО

Ярослав Бабкин

Пар, свинец и электричество

«Издательские решения»

Бабкин Я.

Пар, свинец и электричество / Я. Бабкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-838630-5

Фантастический вестерн-детектив. Однажды на диком западе в маленьком городке мира где-то в галактике далеко-далеко отсюда понадобился телеграфист. Однако добравшись до цели, он обнаруживает, что ему, похоже, придётся на какое-то время стать ещё и детективом.

ISBN 978-5-44-838630-5

© Бабкин Я.
© Издательские решения

Пар, свинец и электричество

Ярослав Бабкин

© Ярослав Бабкин, 2017

ISBN 978-5-4483-8630-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Станция была маленькой. Дощатая платформа, три сарая, пара домиков, светлевшая жёлтым деревом новенькая водокачка и ровно один фонарь, сиротливо торчавший из пыльной земли рядом с насыпанной за платформой угольной кучей.

Гай опустил саквояж на доски и огляделся. Тронутые ржавчиной металлические полосы убегали на северо-восток идеально прямой, словно линейка, полосой, постепенно сближаясь друг с другом и растворяясь в мареве горизонта. С противоположной стороны рельсы выходили за платформу шагов на двадцать и обрывались возле наскоро сложенного из шпал отбойника. Разворота не было, и чтобы поезд мог вернуться, к нему либо цепляли два паровоза, либо обратно его приходилось толкать, а не тянуть...

Со всех остальных направлений полустанок окружала степь, убегавшая к синевшим на горизонте зубчатым ширмам хребтов. Жужжали мухи, трещали сверчки, высоко в небе хрипло вскрикивала какая-то птица. Вдали затихал шум уходящего поезда.

Гай спустился по лесенке с платформы и огляделся. Справа от него, привалившись спинами к столбам платформы, сидели на корточках три смуглых широколицых человека, закутанных в насквозь пропылённые накидки-пенулы. Сквозь наполнявшую ткань пыль с трудом можно было разглядеть вытканые разноцветные полосы, а из-под расшитых бахромой краёв виднелись босые плоские ступни, явно слабо знакомые с какой-либо обувью. Три непроницаемых лица были неподвижны, а три пары застывших глаз устремлены к горизонту.

Гай прокашлялся.

– Извините, пожалуйста, вы не подскажете...

Старший из сидевших повернул к нему широкое коричневатое лицо с несколькими пучками волос, символизовавших бороду и усы.

– Мар-сайип. Гуариц нет. Олтим гуариц нет, мар-сайип, – произнёс он гортанно.

– Э? – пробормотал озадаченный Гай.

– Олтим гуариц нет, – снова повторил человек, и для пущей убедительности затряс головой, отчего с полей его соломенной шляпы посыпалась какая-то труха.

– «Не говорят по-олтимски» – сообразил Гай, – «как я сразу не догадался».

– Только по-каламберийски, наверное, – подумал он вслух.

– Аспокаи мар-сайип экламберья? – не то спросил, не то удивился сидящий.

По-каламберийски Гай не говорил. Его знание данного языка исчерпывалось дюжиной слов, минимум три из которых были ругательствами. Поэтому он только отрицательно покачал головой в ответ.

Его собеседник повернул голову и вернулся к безмолвному созерцанию горизонта. Гай снова огляделся. На веранде ближайшего домика он заметил ещё одного местного жителя, с явным любопытством наблюдавшего за попытками Гая преодолеть языковой барьер.

Местный житель сидел на побитом жизнью, но явно дорогом стуле токарной работы, откинувшись назад так, что передние ножки висели в воздухе, а устойчивость сохранялась только за счёт контакта спинки с фасадом дома. словно для придания себе ещё более рискованного положения местный житель засунул руки в карманы брюк, и закинул ноги на перила

веранды, так что Гай мог созерцать латунные гвоздики, усеивавшие стоптанные подмётки его сапог. Жилет, брюки, галстук и бледное худое лицо с растрёпанными бакенбардами наводили Гаю на мысль, что данный абориген наверняка должен владеть каким-либо из более знакомых ему наречий.

Он подошёл ближе и заговорил.

– Извините.

Сидевший перегнал торчавшую между зубов соломинку в другой угол рта, но ничего не ответил.

Гай прокашлялся и добавил.

– ... пожалуйста.

Абориген продолжал хранить молчание. Под ухом жужжал особо крупный слепень. Где-то в голубой бездне над ними продолжала хрипло гикать неизвестная птица.

– Вы не могли бы ответить, – после небольшой паузы выдавил из себя Гай.

– Ну коли ты чего спросишь, шоб и не ответить... – прокомментировал абориген, вернув соломинку на прежнее место.

Гай сглотнул. От жары и сухости в горле страшно пересохло.

– Мне нужно попасть в Острог-на-Альвазе...

Собеседник молчал, явно ожидая продолжения.

– Кх... кхм... извините, в горле пересохло, мне говорили, здесь останавливается почтовая карета. Где я могу её найти?

– Должна быть в полдень, – сообщил абориген, и, прищурившись, глянул в сторону солнца.

Гай поставил саквояж, расстегнул карман и достал часы. Откинул крышку и задумчиво посмотрел на циферблат.

– Но уже... я опоздал?

– Ещё не было сегодня.

– А карета часто опаздывает? – Гай с облегчением убрал часы, – и как сильно?

Местный житель снова посмотрел в направлении солнца.

– Да не слишком. Ежли до заката не приедет, значит опоздала. Но вообще редко. Полтиний точность любит. И лошадей хорошо блюдет. Должен быть скоро.

– Ага, – кивнул Гай, догадываясь, что Полтиниём должны звать кучера, – и ещё... Здесь есть что-нибудь попить?

– А как же, – абориген указал зажатой в зубах соломинкой куда-то Гаю за спину.

Тот обернулся и обнаружил возвышавшуюся там водокачку.

– Ага, – повторил он довольно разочарованно.

Немного потоптавшись, он развернулся и вышел на край степи. В пожухлой траве просматривалась не то чтобы дорога, скорее довольно тонкий намёк на колею. Возле стояли фонарь и дощатая скамья, вкопанная в землю.

Он сел на пыльные доски и поставил рядом саквояж. За последнее время он понял каким словом можно исчерпывающе описать Окциденталию. Это слово – «пустота». И крошечная станция, затерянная между бескрайней степью и бездонным небом, была квинтэссенцией этого слова. Практически его пределом.

Когда он впервые увидел континент, причалив в Новом Аврелианке, так ещё не казалось. Прибрежную равнину заполняли ряды приземистых деревянных построек, сливавшихся позади в море гонтовых и черепичных крыш. На широких улицах бурлила толпа, а разложенные гигантскими штабелями в огромном порту строевой лес, тюки хлопка и мешки зерна выглядели зданиями отдельного города. Ещё более кипучего и населённого чем сам Аврелианк.

А потом была река. Огромная и пустая. С шедшего по фарватеру парохода берега начинали затуманиваться и люди там казались муравьями. До того самой широкой рекой, виденной Гаем, была Вайо под Линдобоной. И по сравнению с этой она была совершенно не солидна.

– А это ещё не река, – сказал ему кто-то из попутчиков, в ответ на удивлённое замечание, – вот увидите Таллуку. То действительно река. Самая большая в мире! Шире Фая.

Гай был воспитанным молодым человеком и ничего не ответил. Хотя прекрасно знал из курса географии, что Таллука была хоть и действительно шире Фая, но всего лишь третьей в мире после Суана и Чжуан-Хоа, хотя некоторые гидрографы и считали последние две одной и той же рекой.

Тем не менее, когда он стоял на берегу Таллуки и, ожидая парома, глядел на тянувшуюся до горизонта водную гладь, Гай понял, что представить себе реку более широкую он не может.

А ещё степь. Бесконечная от неба до неба. И пустая. Он знал, что во время миграций её должны были заполнять бесчисленные стада диких животных, но то ли сезон был неподходящий, то ли железная дорога их распугала, но в основном ему на глаза попадались белевшие по сторонам кости бизонов, лошадей и мамонтов, да небольшие стада антилоп.

Новый Свет был пуст, чужд и странен. Древний мир, всё ещё живущий по своим законам, не включавшим в себя человека и его железные игрушки.

Какой-то новый шум вывел Гая из размышлений. К станции подъезжал дилижанс. Скорее всего на этой пустой равнине его можно было заметить уже давно, но видимо он слишком глубоко задумался. Гай встал и нетерпеливо ожидал, пока карета остановится.

Дилижанс оказался довольно массивной и грубовато сделанной каретой, выкрашенной облупившейся чёрной краской. Тащили его четыре запряжённые парами лошади. Кучер, видимо тот самый Полтиний, был рослым малым, одетым в свободную фланелевую рубашу и зверски потёртые и когда-то синие парусиновые штаны. Лицо он закрывал от пыли шарфом, отчего верхняя часть, вокруг глаз, казалась бурой, и издалека можно было подумать, что он носит очки-консервы. Кудлатая шевелюра от той же пыли и воздействия солнца приобрела совершенно неопиcуемый паклевый цвет, а шея сзади – почти шоколадный.

– Э-э-э... – начал Гай.

– Чё? – кучер стянул шарф на сторону и звучно сплюнул в пыль под ногами.

– Мне... э-э-э... в Острог-на-Альвазе. Надо.

– Угу, – кивнул Полтиний, – десять квинаров.

– Конечно, – кивнул Гай, и с некоторой растерянностью огляделся, пытаясь найти что-то напоминавшее билетную кассу, – а платить вам?

– Ну можешь ещё кому, но я тогда тебя не повезу.

Гай суетливо протянул монеты кучеру. Тот покрутил их с разных сторон, попробовал на зуб, и вопросительно глянул на саквояж.

– Это всё?

– Да.

– Тогда лезь прямо с ним, пассажиров мало, а возиться с багажником мне лень.

Гай подобрал багаж и направился к дилижансу. Краем глаза он заметил, что его первый собеседник покинул веранду, как-то исхитрившись при этом не упасть со стула, прихватил по дороге ведро и занялся лошадьми.

По сравнению с пустой, наполненной солнцем и жарой, равниной внутри кареты было тесно, темно и ещё более жарко. Пассажиров действительно оказалось немного. Точнее один.

На переднем сидении располагался худой долговязый человек, затянутый как в чехол в узкое чёрное одеяние из тонкого сукна с лиловой отделкой. Через широкий ворот просматривались накрахмаленные воротнички нижних туник. Выбритая до полированного блеска голова была увенчана цилиндрической шапочкой без полей. Лицо у него было длинное, узкое, почти

кофейного цвета с крупным, выступающим носом и большими воловьими глазами. В руках он держал потёртый дорожный томик в кожаном переплёте.

– Добрый день, вежливо поздоровался Гай со священнослужителем.

– Да будет на тебе благословение, друг мой – произнёс тот неожиданно глубоким баритоном, – Сертий Птепс моё имя.

У него был восточный акцент, но довольно лёгкий и быстро перестававший замечаться.

– Гай Нердий... Гай Нердий Коналла, к вашим услугам, – свою фамилию Гай недолюбливал за неблагозвучие, провинциальность и довольно заметный намёк на сомнительность происхождения, при том, что никаких варваров или вольноотпущенников в семейных записях не числилось, – еду в Острог-на-Альвазе.

– По коммерческой надобности, полагаю? – осведомился Сертий.

– Почему вы так решили?

– На первый взгляд вы не производите впечатление человека, зарабатывающего на жизнь, топором, киркой или винтовкой. Так что методом исключения я предположил, что вы зарабатываете на жизнь с помощью денег.

– Вы чуть ошиблись. Я служащий. Телеграфист. Мастер-телеграфист. Представляю Центральную Телеграфную Компанию. Меня назначили ответственным за контору в Остроге.

– Вот как? – в больших тёмных глазах Сертия мелькнуло что-то похожее на сожаление, – Какая жалость. Вы так ещё молоды...

– И что? – ошетинился Гай, – я вполне могу справиться со своими обязанностями. Более чем могу. Вот увидите.

– Нет, нет. Вы неправильно меня поняли... я совсем не это имел в виду... совсем не это, – всплеснул руками Сертий, – ничуть не сомневаюсь, что Компания очень тщательно выбирала кандидатуру на этот пост. Очень тщательно...

– Конечно. Меня утвердил сам генеральный директор в Новом Аврелианке. Он сказал, что я наиболее подходящий из претендентов.

Сертий окинул Гая оценивающим взглядом.

– Несомненно генеральный директор очень разумный и предусмотрительный человек. И весьма экономный...

Гай откинулся на спинку. Судя по звукам и вздрагиванию экипажа, они должны были вот-вот отправиться.

– Да – спросил он у собеседника, – а что случилось с моим предшественником? Я слышал он внезапно умер. Вы его знали?

– Конечно же знал. Острог – небольшой город. Все всех знают. И уж тем более все знали старину Аллия. Очень жизнерадостный был человек. Прекрасный рассказчик. Знал массу историй. К сожалению... кхм... зачастую недостаточно благочестивых и нравоучительных. А иногда даже очень... кхм... недостаточно благочестивых.

– А что с ним случилось? Вы в курсе?

– Я? Несомненно. Ведь мне приходится готовить всех горожан, когда наступает их время. И Аллия тоже... да.

– Так как он умер? От чего.

– Умер как умер. Обычное дело. От пули. Трёх пуль. Беднягу застрелили. Из револьвера. В упор. В голову. М-да. Я вам говорил, что мне пришлось... м-да.

Птепс сокрушённо покачал головой.

– Набег туземцев? – Гай нервно поёжился.

– Нет. Что вы. В наших краях их почти что и нет. Не то, что в горах. Острог-на-Альвазе очень спокойное место. Мирное. Даже цивилизованное. Именно. Цивилизованное.

Он замолчал. Дилижанс тронулся.

Не выдержав молчания, Гай спросил.

– Альваза это река?

Сертий кивнул.

– А почему она так называется? Это что-то значит?

– По-каламберийски это значит «река». Просто река. Ну точнее река будет ал-ваджо. Но шемеканцы все страшно шепелявят. Поэтому говорят «альвадза».

Гай снова поёжился. Город без имени на реке, называющейся «река», в глубине континента, символом которого может быть слово «пустота». Прекрасное начало карьеры...

Над заметно приблизившимися за день езды горами разливался закат. Пурпурные, алые и бирюзовые оттенки перетекали один в другой, словно краски, разлившиеся по палитре забывчивого живописца.

Дилижанс остановился ещё засветло. Румба за два до заката. Солнце уже цеплялось понемногу за невысокие горы впереди, но смеркаться ещё даже не начинало. Вокруг лежала та же степь, разве с сухими кустами по ложбинкам. Её однообразие нарушал только правильный ряд телеграфных столбов, тянувшийся через всю равнину. Основание каждого из них было обмотано уже начавшей ржаветь проволокой где-то на высоту человеческого роста. Причина Гаю была непонятна, но спросить он постеснялся. Всё-таки именно он здесь был телеграфистом.

Кучер первым делом распряг лошадей. Проверил запас воды в бочонке под сиденьями, но сразу поить не стал. А вот Гай смог напиться вдоволь. Вода в кожаной фляге сильно отдавала не то металлом, не то болотом, но он не обращал на это внимания. Пока он утолял жажду, а Полтиний возился с лошадьми, Сертий, неожиданно сноровисто для его рода занятий и сана, развёл костёр. Не успел Гай отвернуться, как тот откуда-то раздобыл сухих веток, высек огонь и вот уже вокруг потянулся терпкий запах дыма. Будущий мастер-телеграфист вдруг почувствовал себя до жути бесполезным и даже слегка расстроился.

Полтиний, тем временем, достал из-под козел тяжеленный карабин. Старый, ещё дульнозарядный, капсюльный. Толстый восьмигранный ствол отливал маслянистым блеском, и кое-где на нём проступала основательно стёршаяся гравировка. Кучер, вооружившись хранившимся рядом с карабином инструментом, аккуратно разрядил оружие. Протёр рукавом пулю, вытряхнул служившую пыжом восковую бумажку, высыпал порох в пороховницу и старательно вычистил ствол. Потом стал заряжать снова.

– Хлопотно, – сказал он в ответ на взгляд Гая, – но уж точно знаешь, что порох не отсырел и ствол не забился. Да и делать вечерами всё одно в степи нечего.

– А почему не взять казнозарядную? – спросил тот, – и бьёт дальше и перезаряжать быстрее.

– Мы не охотники. А ночью темно. Накоротке если промахнёшься, всё одно уже перезарядить не успеешь.

Он опустил в ствол палец, развернул пару раз, вытащил и посмотрел на свет. Палец был чистым.

– Вот так-то, – добавил он к сказанному раньше.

– Вокруг совсем никого, пусто, – заметил Гай, – в кого стрелять? Или ночью зверей больше?

– Немного больше. Но это сейчас. Лето. Сухо. Зверь ушёл либо на север, к леднику, либо в горы. Там трава зеленее. Но скоро пойдут дожди. Потом начнёт холодать. Зверь вернётся и пойдёт дальше на юг, зимовать. Вот тогда здесь будет не протолкнуться.

– Понятно, – кивнул Гай.

– А могут и дикари пожаловать, – добавил кучер, – а это совсем худо.

– Туземцы?

– Они в степи редко бывают, – вмешался Сертий, – только весной и осенью, когда проходят небольшие охотничьи партии.

– А летом и зимой? – Гай задал вопрос и почти сразу же смутился; взрослый человек, а ведёт себя как любопытный школяр.

– Летом здесь не на кого охотиться. А зимой, – Сертий потёр гладкую щёку, – зимой в здешней степи я и врагу не пожелаю кочевать.

У Гая были и ещё вопросы, но он решил выглядеть солиднее и промолчал. Теперь он сидел, опершись спиной на колесо дилижанса, и смотрел как темнеют над горами закатные краски. В бархатной толще неба проступили ранние звёзды. Он не слишком любил астрономию, но Вечерние Звёзды то знал. Их было видно уже обе – верный знак, что солнце ушло за горизонт и начинается ночь. Прозвительно голубой бриллиант, в котором при остром зрении можно было разглядеть крошечный серп, и яркая белая искорка рядом. Вечная пара. Планета и её спутник. Астрономы всё спорят о причине её чистого голубого цвета. Древние считали её сапфиром, а нынешние больше склонны предполагать, что планета состоит из воды. И даже, что в её океанах может быть жизнь.

Он посмотрел вверх. Звёзд становилось всё больше. Луны ещё не взошли. А небо здесь было чистым и глубоким. Внезапно Гаю пришла в голову мысль. А ведь, скорее всего они втроём – единственные люди на десятки миль вокруг. И от этого ощущение чуждости и пустоты окружавшего мира только усилилось. Как всё ж таки ещё малы достижения человечества со всеми его паровыми машинами и разнообразными устройствами. И как огромен мир. Сможет ли человек его подчинить? Нужно ли человеку его подчинять? Ему вспомнился бурливший в академиях научный спор, как раз достигший пика, когда он уезжал в Окциденталию. Сторонники версии естественного отбора доказывали, что виды животных могут изменяться со временем, и все ныне живущие организмы развились из крайне малого числа исходных форм, благодаря эволюции. Их противники указывали на прерывистый характер ископаемых находок и отсутствие видов, из которых могли возникнуть те или иные современные животные и растения. На что первые ссылались на недостаточную исследованность древних пород и ископаемых останков, попутно обвиняя противников в том, что те встают на религиозную, и даже еретическую, точку зрения, ибо не способны объяснить вспышки разнообразия и появления новых видов. Ведь живые организмы не могут появиться из ниоткуда, словно кто-то взял и открыл ворота в гигантский зоопарк, выпустив на волю очередную партию дожидавшихся своего времени животных. Аргумент был сильным и вынуждал противников эволюции на некоторое время затихнуть.

Не удержавшись от хулиганского искушения, Гай поинтересовался у Сертия, что он обо всём этом думает.

– Не знаю, – пожал тот плечами, – создатель, в бесконечном милосердии своём, не дал человеку всеведения.

– Вы полагаете, что знание – это зло? – предчувствуя спор, поинтересовался Гай.

– Меньше знаешь, крепче спишь, – резюмировал свой взгляд на проблему кучер Полтиний, убрал карабин и завернулся в одеяло.

– Если бы это было так, – заметил Сертий, – создатель бы не дал человеку и разума.

– Тогда почему всеведение плохо? – не унимался будущий телеграфист.

– Представьте себе, что вы знаете всё на свете, – улыбнулся священнослужитель.

– Представил.

– И что вы теперь будете делать?

Гай задумался.

– Ну, наверное... не знаю.

– Вот то-то и оно. Идеал должен быть недостижим. Иначе не к чему будет стремиться, – он подбросил в огонь очередную веточку, – если хотите, ложитесь спать в дилижансе. Может быть душно, но зато не замёрзнете, когда к утру станет прохладно.

К утру действительно заметно похолодало, и чтобы хорошенько согреться Гаю пришлось потратить довольно много времени на гимнастику, которую он не слишком-то любил. Завтрак из сухарей, сыра и ветчины добавил ещё немного тепла в жилы. Затем Полтиний тщательно притоптал и залил остатками кипятка угли – не хватало ещё пожара в степи – и дилижанс покатился дальше, вдоль линии оплётённых проволокой столбов. Её назначение не давало Гаю покоя. По его прикидкам на эту оплётку проволоки ушло не меньше, если не больше, чем на провода. Некоторое время помучившись, он всё-таки осторожно спросил попутчика.

– Здесь использована редкая технология столбов с проволокой. Даже странно, почему они на неё решились.

– Почему странно? – удивился Сертий, – иначе звери так погрызут столбы, что уже через год придётся всё менять...

– А-а-а... – только и смог ответить Гай, которому столь очевидная мысль за сутки так в голову и не пришла.

Ближе к полудню карета остановилась.

– Что-то случилось? – подскочил задремавший было Гай; услужливое воображение моментально нарисовало ему сцены, одна драматичнее другой.

– Можем посмотреть на Острог. Красиво, – сказал Полтиний, снимая с лица защищавший его от пыли шарф.

Гай никак не ожидал наткнуться в своём кучере на сентиментальность, однако следовало признать его правоту. Картина открывалась действительно впечатляющая.

В нескольких десятках шагов впереди степь кончалась. Она не изменялась, не переходила в какой-то другой ландшафт. Она просто кончалась. Как отрезанная гигантским ножом. Равнина, по которой они всё это время ехали, обрывалась в пропасть. Перед ними лежал гигантский откос, уходивший вниз, наверное, на пару стадиев. Ну на полтора – точно.

От его подножия начиналась широкая долина, изумрудно-зелёное дно которой резко контрастировало с выгоревшей бежевой степью наверху. По дну каньона замысловато петляла серебристая речка. Даже отсюда на ней были видны отдельные перекаты и пороги. На противоположном её берегу раскинулся посёлок. Левее особняком стояли длинные постройки, почти достигавшие берега. Судя по жёлтым штабелям рядом – лесопилка. Брёвна с такого расстояния казались похожими на спички. С правой стороны, заметно выше по течению, виднелись прочие здания. В основном они сгруппировались не у воды, а ближе к противоположному склону долины. Почти сразу за ними местность начинала повышаться, переходя в холмистые кряжи, поросшие тёмно-зелёным лесом. Ещё дальше, сколько хватало глаз, тянулись холмы, постепенно переходившие в невысокие горы.

– Долина Альвазы, – сказал Сертий, – и Острог-на-Альвазе.

Гаю город показался мелким. Даже слишком. Скорее посёлок. По меркам цивилизованного мира – деревня. И не слишком большая.

– Я думал, что Острог это крепость, – сказал он.

– Ну в общем оно так и есть. Точнее было. Острог поставили двадцать лет назад как гарнизонный форт. Но потом гарнизон перешёл дальше на юг. Вниз по Альвазе к Кедровому Броду, что на Южной Тропе. А остатки крепости жители разобрали на дрова и стройматериалы.

– Вы не боитесь нападения?

– За двадцать лет туземцы ни разу не нападали. А больше здесь некому. До шемеканской границы далеко.

– Она там? – спросил Гай, посмотрев налево, где горы были повыше и постепенно уходили дальше назад, к западу.

– Где-то там... – пожал плечами Сертий, – суть в том, что никто не знает толком, где точно. Ближайшие шемеканские посёлки на много дней пути к югу. На излучине Красной Реки. А между ними и нами – горы, лес и степи. И что там считать границей – кто знает. Привыкайте

к тому, что в этих местах нет по существу территорий и границ. Только посёлки и дороги. И ничейная земля между ними. То же и на спорных территориях на северо-западе. Там даже картографы толком не знают, где чьё. Хотя не думаю, что нам сейчас это важно. Путь нас ждёт ещё долгий.

– Долгий? – Гай посмотрел на лежавшую перед ним долину и задумался, – а как мы туда спустимся?

– Были бы пешие, по любой тропе спустились, – сказал Полтиний, – но на колёсах придётся сделать крюк до съезда. На месте будем только к вечеру.

Съезд в каньон оказался большим оврагом, промытым в склоне далеко к югу от телеграфной линии. Достаточно широким и пологим, чтобы там могла пройти карета. Лишь в нескольких местах были подложены деревянные настилы, жутко гремевшие под колёсами.

За оврагом их путь шёл уже по дну долины. Здесь колею было видно достаточно хорошо, и её, пожалуй, можно было даже смело назвать дорогой. По сторонам Гай разглядел несколько ферм – приземистые бревенчатые домики, окружённые тщательно покрытыми загонами для мелкого скота, амбарами и хозяйственными постройками. Равнину между ними заполняли небольшие поля и огороды. Лёгкий ветер гнал волны по тёмно-зелёным озёрам ячменя и качал длинные, только начинающие зреть, початки крупчатницы. Ближе к домам можно было различить перистые листья батриоли и раскидистые кустики бобов. Там и сям, дополняя идиллическую картину, гротескными фигурами торчали пугала.

Дилижанс пересёк реку по капитальному деревянному мосту, неожиданно высоко поднятому над водой. То ли Альваза была склонна широко разливаться, то ли его строители опасались ледохода. За мостом дорога сворачивала направо и шла вдоль реки, мимо лесопилки, прямо к городу.

– Лесопилка работает только для Острога, – уточнил Сертий, видя любопытство Гая, – на продажу лес рубят южнее, за излучиной. Там река глубже, и можно сплавлять брёвна в любое время, пока на реке нет льда. Дерево – основное, что город производит.

– Это всё, чем вы живёте?

– Нет. Ещё есть меха, золото, самоцветы, мамонтовая кость... Но их мы не производим – перекупаем у охотников и старателей, либо торговцы выменивают их у туземцев. Ну и частенько здесь проходят разные экспедиции. Военные или географы, когда как. Но и тем, и другим одинаково нужны жильё, припасы и, конечно же, телеграф...

Птепс улыбнулся.

Дилижанс сделал последний разворот и въехал в город. Полтиний не ошибся. Уже вечерело. Солнце ушло за горы, и городок погрузился в тень. Только на лежавшем за рекой обрыве ещё играли солнечные отсветы.

– Вот и ваш новый дом, – сказал Сертий, указывая на одно из бревенчатых строений.

Гай взял саквояж и подошёл ближе. Это была одноэтажная рубленая постройка с двускатной гонтовой крышей. От прочих её отличали только шедшие к коньку от ближайшего столба провода и располагавшаяся над дверью вывеска. Неглубоко, но аккуратно вырезанные на доске буквы гласили:

*КОНТОРА ЦЕНТРАЛЬНОЙ ТЕЛЕГРАФНОЙ КОМПАНИИ.
ГЛАВНЫЙ ПОЧТАМТ.*

Чуть ниже и заметно мельче:

Просьба стучать. Ночью приёма нет.

– Эй, – окликнул его сзади Полтиний.

Гай обернулся.

– Ну раз ты теперь здесь главный, то держи, а то уж надоело взад-вперёд возить...

И кучер вручил ему здоровенный парусиновый тюк с чем-то, на ощупь сильно похожим на конверты.

Гай бросил саквояж и прижал тюк к груди.

– Ну бывай, – Полтиний махнул ему рукой и полез на козлы.

– Прошу меня простить, – вздохнул Сертий, – но у меня тоже есть несколько срочных дел. Надеюсь, завтра утром мы снова увидимся. Я представлю вас горожанам...

– Представите? Всем?

– Нет, самым важным. Остальных вы быстро сами узнаете, – в сумерках было не видно улыбается он или нет.

– Спасибо, – пробормотал Гай.

Дверь оказалась не заперта, и он вошёл внутрь. Переднюю половину дома занимала большая комната с двумя окнами в левой стене. Сзади, рядом с входной дверью, располагалась коллекция рогов. То ли трофеи, то ли вешалки для одежды. Гай точно не понял, и шляпу предпочёл держать в руках. Саквояж и тюк с почтой оставил на полу, а сам прошёл дальше, разглядывая комнату.

По боковым стенам были расставлены скамейки. Попалось и несколько стульев. У дальней стены, поперёк комнаты располагался длинный прилавок с запylённым письменным прибором. За ним можно было разглядеть полускрытый ширмой телеграфный аппарат. В конторе висела мёртвая тишина, лишь доски чуть поскрипывали под ногами. Воздух был застоявшийся, пыльный, но сухой и не затхлый. Откидывая прилавок, Гай попал рукой в паутину.

В стене за прилавком располагалась дверь. Открыв её, Гай попал в коридор, освещённый боковым окном. Из коридора вели две двери. Одна вправо, другая вперёд, в самый конец дома. Гай открыл сперва боковую. В полутьме можно было разглядеть кровать, стол, сундук, ещё какую-то мебель. На стене висела одежда, а возле входа стояла пара сапог.

– «Спальня и кабинет», – подумал Гай и закрыл дверь.

Подошёл ко второй двери и толкнул. Там было темно, немного приглядевшись, он различил верстак с инструментами, мотки запасных проводов и лестницу на чердак.

– Понятно... – пробормотал он, и вернулся в приёмную.

Здесь было по-прежнему тихо и сумрачно. Отбрасываемые мебелью тени переплетались с бликами света из окон, сплетаясь в причудливые узоры и силуэты.

Гай положил шляпу, которую так и держал всё время в руке, на прилавок.

– Добрый вечер, – сказала одна из теней.

– А?! – Гай чуть не подпрыгнул.

– Меня зовут Тават ван-Дуэрфа, с вашего позволения, – сообщила тень, подходя ближе, – я имею честь содержать здесь магазин и склад.

– Очень приятно, – пробормотал Гай, стараясь не слишком клацать зубами.

Тень подошла ещё ближе и оказалась широколицым, невысоким и остроносым человеком с изящными усиками и в необычайно аккуратном костюме. В руках он держал светлую и довольно широкополую шляпу.

– Я так понимаю, вы наш новый телеграфист? – уточнил гость.

– Д-да... – Гай попытался улыбнуться, – как вы вошли?

– Было не заперто. Я не вовремя?

– Нет-нет. Всё нормально. Чем могу служить? Боюсь, что некоторое время я буду не в силах использовать телеграф и почту. Но самое большее пару дней.

– О, нет. Я не с этой целью, – всплеснул руками гость, – просто я счёл, что в текущих обстоятельствах вам может быть уместна моя помощь.

– Помощь?

– Как я уже имел возможность сообщить, я имею честь владеть магазином и складом. Поэтому если вам вдруг что-то понадобится... – он оглядел контору, – например осветительное масло или свечи, то вы всегда можете рассчитывать на поддержку и понимание с моей стороны.

– Ясно... – Гай уже практически взял себя в руки, но на многосложные ответы его пока не хватало.

– С другой точки зрения, если вдруг мне... – торговец ещё раз оглядел контору, – может быть пройдем в более уютное место? Здесь темно, как в могиле.

Более уютное место оказалось городской таверной. Там действительно было заметно комфортнее, чем в неосвещённой и заброшенной конторе.

– Салют, Тават, – приветствовал их худощавый кабатчик в накрахмаленном фартуке, – и вам, дон Коналла, тоже не болеть.

– Благодарю, – смутился Гай, слегка удивлённой скоростью, с которой о его прибытии стало известно.

– Что будет пить уважаемый дон? – уточнил кабатчик, – меня зовут, Костлявый Пим Сильвей, если что. А это мои сотрудники... Так, на всякий случай.

Он указал на двух мужчин, расположившихся у дальней стены. Один, рослый и коренастый, с красным обветренным лицом и обрамлявшей лицо золотистой бородой, тоже был в фартуке и с неожиданной для огромных ладоней сноровкой протирал стаканы. Второй, худой, жилистый, в чёрном жилете и полосатой рубашке просто сидел, откинувшись к стене и сложив руки на груди. Больше всего в его неподвижной фигуре Гая впечатлили выцветшие серые глаза под кустистыми бровями и револьвер на боку.

Кроме них в зале было довольно пусто, что слегка удивило Гая, ожидавшего вечером несколько большего оживления. По углам сидело около дюжины посетителей, которых он не смог толком разглядеть. Рядом с большим лакированным полихордом дремал щуплый человек в рубашке с закатанными рукавами, видимо музыкант. У ведущей вверх лестницы перешёптывались две смуглые девушки, завёрнутые в расшитые магнолиями и гибискусами шали. Близ задней двери возилась с ведрами массивная коренастая фигура в неказистом платье и с очень тщательно и замысловато выплетенной маслянисто чёрной косой вокруг головы.

Осмотревшись, Гай отрицательно покачал головой, в ответ на вопросительное лицо кабатчика.

– Зря, – отечески заметил Тават ван-Дуэрфа, приглаживая тщательно зачёсанную и напомаженную волнистую чёрную шевелюру, – у Костлявого Пима лучшая выпивка минимум на пятьсот миль вокруг, уж поверьте. Нам, коммерсантам, частенько доводится путешествовать.

– Ну, может быть, если только совсем немного... – нерешительно пробормотал Гай.

Тават кивнул, и Пим за ручку вытащил из-под прилавка зелёную стеклянную бутылку.

– Фирменное.

Вино оказалось и вправду довольно приличным. В забегаловке рядом с академией поили хуже.

– Вам, как человеку здесь новому, – начал ван-Дуэрфа, – безо всяких сомнений, в первую очередь необходимо будет завести ценные знакомства.

Гай согласно кивнул, разглядывая густую тёмную жидкость в стакане.

– И я, и досто... хм... досточтимый дон Пим будем рады всемерно... Верно, досточтимый дон?

Тот молча кивнул. Девушки у лестницы дружно захихикали, прикрываясь одним на двоих веером.

– Я здесь владею универсальным магазином...

Кабатчик едва заметно хмыкнул, на что коммерсант ответил ему гневным взглядом.

– ...магазином, – с напором повторил Дуэрфа, – и складом.

– Складом? – удивился Гай, подумав, что вино определённо было лучше, чем показалось ему вначале.

– Именно. Я сдаю его всем желающим. А их много. Зимой, особенно. Поэтому если вы, вдруг, решите заняться каким-нибудь бизнесом, то я с огромной радостью предоставлю вам необходимые помещения...

– Бизнесом? Нет, нет... Я телеграфист.

Гай попытался собрать мысли, но они явно начинали как-то неуправляемо расползаться.

– Конечно. Но вот вашему предшественнику, мир его праху, это совершенно не помешало...

– Предшественнику? – часть мыслей Гая смогла приобрести единое направление, – да, я вот что хотел спросить... Говорят, его убили?

Стало очень тихо.

Ван-Дуэрфа нервно пожевал нижнюю губу. Костлявый Пим невозмутимо протирал очередную чашку.

– Как это случилось? – не замечая тишины, поинтересовался Гай.

– Ну... это... – коммерсант почесал затылок, – его застрелили, когда он выходил из таверны. Только не придавайте этому излишнего значения. Подобные инциденты не должны омрачать вам картины нашего города. Подобные случаи у нас крайне редки. Крайне... Правда, Пим?

– Исключительно редки, – заверил худой кабатчик.

Гай с некоторым удивлением осмотрел пустой стакан.

Ван-Дуэрфа кивнул. Пим Сильвей снова достал бутылку.

– Но я... – робко запротестовал телеграфист.

– За счёт заведения, – Пим наполнил стакан до краёв.

Гай обхватил тёплый глиняный цилиндр и отхлебнул.

– Редки, говорите?

– Исключительно – с крайней выразительностью даже не выговорил, а скорее продекламировал ван-Дуэрфа, – жители нашего славного города Острога крайне редко становятся жертвами перестрелок.

– Если только не вздумают начать подкатываться к дочке Демизы, – донеслось из-за спины, – старик хватается за пушку, как только ему померещится, что у кого-то есть планы на его девочку...

Гай удивлённо обернулся. Он и не заметил, как зал таверны начал заполняться. Людей стало больше, полихордист очнулся от дремоты и начал тихонько наигрывать что-то мелодичное. Девушки покинули свой пост у лестницы, и неспешно фланировали по залу, покачивая бёдрами, и постреливая глазами в сторону Гая. Тот подумал, что глаза у девушек красивые, большие, тёмно-карие с пышными густыми ресницами.

Стакан выскользнул из пальцев, ударился в доски пола, выплеснул тягучую красноватую жидкость на солому и расселся на две половины.

– Ох, какая неудача... – покачал головой коммерсант.

– Извините, – пробормотал Гай и икнул.

– Ничего страшного, – отмахнулся кабатчик, и повернулся к золотоволосому детине позади, – Регинхари, позови Швабру.

Тот кивнул, оставил протираемый стакан и пошёл к задней двери.

Гай обеими локтями навалился на прилавок. Мысли в голове путались, а таверна явно пыталась начать медленно вращаться.

– По новой? – ван-Дуэрфа придвинул ему ещё один стакан.

– Я н-не пью... – пробормотал Гай, пытаясь собраться с мыслями.

– Да что тут пить-то? – удивился тот.

Гай машинально отхлебнул и поставил стакан.

– Г-гы...

Он покосился в сторону. Рядом стояла коренастая женщина, которую он раньше видел у задней двери. В руках она держала тряпку.

Ван-Дуэрфа мягко отодвинул его вместе со стулом. Служанка нагнулась и стала вытирать пол. Её движения показались Гаю какими-то непривычными, не то чтобы неуклюжими, но странными. Она подобрала осколки стакана и выпрямилась. У неё было некрасивое, даже уродливое лицо. С землистой кожей, мясистыми губами и большим носом. И глаза. Огромные, совиные глаза, с красновато-карей радужкой и чёрными как ночь, пульсирующими на свету зрачками, утопающие под тяжёлыми мохнатыми бровями, почти сливавшимися с маслянисто-чёрной жёсткой причёской.

– Можешь идти, Швабра, – сказал Пим, – служанка развернулась и чуть вразвалку зашагала обратно к задней двери.

Гай отёр лоб и задумчиво оглядел полупустой стакан.

– Почему Швабра? – спросил он, – странное прозвище.

– Она убирается в таверне, – пожал плечами кабатчик, – потому и Швабра.

– А она не обижается?

– С чего ей обижаться? – искренне удивился Пим.

Гай ещё раз внимательно посмотрел на стакан. Тут до него дошло.

– Но... она же... вы же... вам не страшно?

– Ну что вы, дон Коналла, – всплеснул руками ван-Дуэрфа.

– Гай, – машинально поправил он торговца.

– ...дон Гай. Она же женщина. К тому же воспитывалась среди людей практически с детства. Поверьте. Она совершенно безобидна.

– И позволяет мне экономить на освещении при ночной уборке, – мимоходом заметил Пим.

– А вот это совершенно необязательно, дон Пим, – встрепнулся ван-Дуэрфа, – мои свечи весьма дешёвы и ваша мелочная экономия...

– Ну, я думал... – начал Гай.

– Выбросьте из головы, – махнул рукой коммерсант, – лучше обратите внимание на кого-нибудь из девушек. Вот, например, очаровательная Табилита.

Он подозвал одну из фланировавших девиц.

Та подошла ближе и улыбнулась. Гай улыбнулся в ответ. В начале девушки не показались ему красивыми или очаровательными, но сейчас его мнение определённо изменилось.

– Добрый вечер, с-суд... сударыня, – пробормотал он, отодвигая стакан и намереваясь поцеловать девушке руку.

– Привет, – игриво заметила Табилита, улыбаясь в веер, – если благородный дон хочет...

Что именно он должен был хотеть Гай так и не узнал, потому что полированная доска стойки внезапно ударила ему в лоб.

Следующее утро определённо было не самым лучшим в его жизни.

– Ну, разве же можно так, молодой человек, – Сергий Птепс сокрушённо покачал своей бритой головой в чёрной шапочке, – Тават начинал как бродячий торговец с туземцами, его и ведром сильфейной водки с ног не свалишь... А вы. Вот прям так. Уставши. Не закусывая.

Он ещё раз покачал головой.

– Я... не... здесь есть что-нибудь попить? – Гай сполз с кровати и с некоторым удивлением оглядывал небольшую комнату с бревенчатыми стенами, в которой он со второй попытки опознал спальню-кабинет телеграфной конторы.

– Тари, принеси настойку, – распорядился Сертий.

Гай жадно отхлебнул тёплую жидкость. Вкус был ужасный.

– Брр... – он замотал головой.

Однако мысли определённо начали проявляться. Гай протянул стакан и только сейчас обнаружил стоявшую перед ним невысокую и слегка, скажем так, пухленькую, девушку. Гай рассмотрел круглое румяное лицо, пышные тёмные волосы, отливавшие старой медью на пробивавшемся сквозь мутное окно солнце, и глаза цвета лесного ореха. Карие с зелёным ободком.

– Меня зовут Тари, – сказала девушка.

– Просто Тари? – пробормотал Гай, но тут же спохватился, – Гай Нердий Коналла, к вашим услугам, сударыня.

Он судорожно попытался застегнуть ворот рубашки.

– На самом деле полностью Тальстин Демиза, – чуть смутилась девушка, – но на мой вкус Тальстин это слишком официально, а фамилия... фамилия мне не нравится.

– Почему... – начал было Гай и тут же густо покраснел, вопрос был слишком наглым.

– Просто на арругийском «демиза» значит – «тот, кто с гор», – ничуть не смутившись, уточнила девушка, – поэтому кто-то может подумать, что мы какие-то дикие горцы, а не уважаемые люди. Вы даже не представляете себе, как это неприятно...

– Представляю, – вздохнул Гай, которого тоже не слишком вдохновляла собственная фамилия.

– Так что зовите меня просто Тари, это сокращение от Тальстин.

– Сокращение, но... вы же арругийка? – с некоторым удивлением начал было Гай, но тут же покраснел ещё гуще.

Путаница «р» и «л» была предметом бесконечных шуток и насмешек над арругийским выговором, как и проблемы с глухими и звонкими..

Девушка кивнула, либо не заметив двусмысленности, либо проигнорировав её.

В голове Гая болтались отрывки воспоминаний о прошедшем вечере. Неожиданно из их мутного водоёма всплыла одна из фраз.

– Вы сказали, Демиза?

– Да, но почему... ах, вам уже, наверное, рассказали...

– М-м-м... я не хотел... на самом дел... я... – Гай покраснел бы ещё больше, если это только было возможно.

– Не вельте, – горячо воскликнула девушка, – это всё неправда. Мой отец действительно очень меня любит, но он совершенно не такое чудовище, как рассказывают. Поферьте. То был просто несчастный случай. Я крянусь! И с тем, вторым, тоже. Спросите префекта Десдерия!

От волнения у неё даже прорезался лёгкий акцент.

– Верю, – пробормотал Гай.

Он вытащил носовой платок и поднёс его к лицу. Голову пронзила острая боль.

– Ух...

– Осторожнее, – предупредила Тари, но поздно.

Судя по всему, коварный удар стола ему в лицо не остался без последствий.

Гай завертел головой, в поисках зеркала. Сертий услужливо протянул ему полированный латунный диск. Молодой человек лишь страдальчески замычал. С желтоватой поверхности на него смотрела определённо уголовная рожа. Измятая, с подбитым глазом и рассечённым носом.

– Думаю, нам стоит посетить доктора, – предложила Тари.

Гаю было всё равно. В таком виде появляться в обществе, и особенно обществе юных девушек ему хотелось меньше всего. Намного больше он мечтал куда-нибудь провалиться. Прямо сейчас.

– Думаю, Соларион уже открыл своё заведение, – произнёс тем временем Сертий, деловито посмотрев на часы.

Гай лишь страдальчески промычал в ответ, что было воспринято Тари и Птепсом как согласие.

Приёмная доктора казалась Гаю чрезмерно уж светлой. Две стены почти целиком занимали большие окна. Рамы, хоть и были двойными, света всё равно пропускали много. Тем более что утреннее солнце било точно в них.

Приличную часть комнаты занимали столы. Один узкий и продолговатый, деревянный, с большим аквариумом. Второй – обитый жёстью, квадратный. Третий – письменный с тумбочкой-пюпитром сбоку. Свободную от окон часть стен занимали разнообразные стеллажи, узкие высокие шкафы-тумбы, решётки для хранения свитков и этажерки. По ним было аккуратно разложено множество предметов – химическая посуда, склянки с какими-то препаратами, коробочки и ларцы, книги и свитки. Гай обратил внимание, что кроме чеканных олтимских букв на корешках обильно виднелись и изящно-округлые элларские, и ветвисто-угловатые символы восточных алфавитов. Ему даже показалось, что он заметил орнаментальные столбцы клинописных иероглифов. Хинских или староанджанских.

Скрипнула дверь. Гай обернулся. В комнату вошёл худой долговязый человек в узких светлых брюках и малиновом бархатном жилете.

– Соларион Саэнтиос. Терапевт. Хирург. Аптекарь. Иногда патологоанатом. Редко судебно-медицинский эксперт. Чем могу? – произнёс он отрывисто, без акцента, но со слишком уж академичным выговором.

Лицо у доктора Саэнтиоса было узкое, загорелое, гладко выбритое. От лба к затылку убежала внушительная лысина, обрамлённая следами коротко-подстриженной шевелюры. Левую скулу пересекал тонкий шрам, а у правой ушной раковины не хватало верхней трети, что придавало ему вид не столько медика, сколько бывшего авантюриста.

– Молодой человек, – указал Сертий на Гая, – ушибся.

Доктор накинул белый фартук и привычным движением натянул полотняные нарукавники. Подошёл и внимательно осмотрел лицо, по-хозяйски повернул его на свет и ощупал нос. Гай пару раз жалобно пискнул, когда тот задевал синяки и ссадины. Пальцы у врача были жёсткие, холодные и неожиданно сильные.

– Плоский твёрдый предмет. С выраженным краем. Скорее всего, не металлический, нет следов острой кромки. Удар почти строго спереди. Реакция зрачков неровная.

Он принялся.

– Полагаю, молодой человек выпил, потерял сознание и ударился о стол или нечто подобное...

– Вы знали, – простонал Гай, ощущая, как начинают гореть уши.

– Что знал? – не понял Саэнтиос.

– Не обращайтесь внимания, – вмешался священнослужитель, – вы можете что-нибудь сделать?

– Конечно. Носовой хрящ практически не пострадал, не говоря уже про кость. Гематома. Ссадины. Небольшой порез. Сотрясения мозга определённо нет. Ничего серьёзного. Надо обработать. Рекомендую холод. Начиная с сегодняшнего вечера – лучше тепло.

Он достал какой-то флакон.

– Закройте глаза, молодой человек.

Гай послушно выполнил указание. Хлопнула пробка, запахло чем-то бальзамическим. Ссадины защищало, но он героически выдержал процедуру без единого звука.

– Можете открыть. Впредь будьте осторожнее.

Гай открыл глаза и чуть поморщился.

– Спасибо. Я что-нибудь должен?

– Двенадцать лепт. Полквинара.

– Мы подождём снаружи, – интеллигентно заметил Сертий, и мягко вытолкнул Тари на улицу.

Гай рассчитался с медиком и задержал взгляд на аквариуме. На песчаном дне лежало несколько раковин. Судя по приоткрытым створкам – вполне живых.

Заметив его взгляд, Соларион, казалось, чуть смутился.

– Хобби. Ставлю опыты. На ракушках. Интересуюсь проблемами наследственности.

Гай понимающе кивнул, и уже собирался выйти, но тут ему в голову пришла одна мысль. Он замедлил шаг, обернулся и спросил.

– Вы говорили, что бывали судмедэкспертом.

– Да, – врач удивлённо приподнял тонкие брови.

– И вы единственный доктор в городе.

– Именно...

– Тогда Вы должны знать, что случилось с моим предшественником.

– Предшественником? – лицо доктора стало удивлённым, – предшественником в чём?

– Вы ещё не в курсе? Я – ваш новый телеграфист.

– Ах, даже так. Тогда, следовательно, вы имеете в виду покойного Аллия Сорония?

Гай кивнул. Доктор на секунду задумался, вспоминая.

– Три пулевых ранения в голову. Револьвер. Большой калибр. Оpoznали по зубам. Золотые коронки. Правый нижний коренной и второй левый резец. Смерть на месте. Травмы не совместимы с жизнью. Ещё радикулит и довольно скверная печень. Ему определённо стоило меньше пить и теплее одеваться. Да, я помню этот случай.

– Вы не в курсе, отчего это случилось?

– Понятия не имею, – пожал плечами Саэнтиос, – я врач. Не в курсе всех событий в городе. Не хватает времени. Многим не интересуюсь. Видимо, какие-то личные проблемы.

Гай попрощался и вышел на улицу. Город лежал перед ним как на ладони. Практически одна улица и не так уж много домов. Все должны всех знать. И уж такие события как убийства не могут оставаться без внимания. Или доктор феноменально рассеян и погружён в себя. Или очень сильно лукавит. Что-то здесь явно не так.

Сертий о чём-то беседовал с одним из прохожих, Тари скучающе разглядывала сидевшую на крыше птицу.

– Думаю, что мне будет лучше вернуться в контору, – подойдя, сказал ей Гай, – нужно привести всё в порядок и наладить телеграфный аппарат. Да и почту разобрать.

– Я могла бы помочь. Если, конечно...

Гай растерялся.

– Это так неожиданно... то есть я хотел сказать, так любезно с вашей стороны... то есть я не...

Он совсем запутался.

– Тальстин! – донёсся до него пронзительный выкрик.

Гай обернулся и обнаружил стремительно приближавшегося к ним растрёпанного человека. Тот был весьма невысок, почти на голову ниже самого Гая, отнюдь не обладавшего гвардейским ростом, и при этом щупл и лысоват. Тёмно-зелёному жилету незнакомца не доставало пуговицы, его рубашка местами выбилась из брюк, а на кончике большого, картошкой, носа

смешно болтались очки в проволочной оправе. В общем, если бы не взятый наперевес дробовик, его вполне можно было бы назвать комичным.

– Что вы себе позволяете, молодой человек?! – воскликнул незнакомец пронзительным фальцетом, прожигая телеграфиста гневным взглядом.

– Я? – несколько растерянно пробормотал Гай.

Раскачивавшийся перед ним ствол дробовика гипнотизировал подобно удаву и лишал способности мыслить ясно.

– Папа, – раздражённо зашипела на незнакомца Тари, – немедленно прекрати, люди же смотрят...

– «Папа»? – пронеслось в голове Гая...

Ствол начал гипнотизировать его ещё сильнее.

– Этот молодой человек со мной, – вмешался Сертий, – госпожа Тальстин лишь помогла мне доставить его к мастеру Саэнтиосу.

– С вами? – сверкание глаз незнакомца стало менее гневным, но дробовика он не опустил.

– Именно. Позвольте представить. Наш новый телеграфист...

– Гай Нердий Коналла, – с энтузиазмом умирающего лебедя пробормотал тот, – к вашим услугам.

– Телеграфист? – незнакомец поправил очки, и внимательно оглядел Гая, – это же в корне меняет дело...

Гай нервно кивнул.

– То есть вы не... О, прошу прощения, молодой человек, прошу прощения.

Человечек, наконец-то, опустил ружьё и представился.

– Ральсор Демиза, механик и оружейник. Лучший и единственный в городе! Кстати, вы можете звать меня просто Ральс. Поверьте, молодой человек, мы с вами обязательно сработаемся, вот увидите...

– Сработаемся? – всё ещё слабым голосом переспросил Гай.

– Конечно. Я же механик. Моя помощь может оказаться просто незаменимой! Вы даже не представляете себе насколько. Уверен, вы навсегда запомните тот миг, когда меня впервые увидели.

Вот уж в этом-то Гай ни мгновения не сомневался.

– Несмотря на, кхм... несколько бурный темперамент, – вмешался Сертий, – мастер Демиза, несомненно, выдающийся специалист в своей области.

Коротышка самодовольно улыбнулся и разгладил пышные, начинающие сесть, бакенбарды.

– Возможно, мне всё-таки стоит вернуться в контору, – пробормотал Гай, медленно пятясь.

– Что же мы стоим?! – вдруг засуетился Ральс, – это же просто неприлично... Прошу, вас прошу.

Он ухватил Гая за рукав и поволок в сторону.

– Но я... – жалобно пробормотал телеграфист.

– Это подождёт, – не терпящим возражений тоном заявил механик, – сейчас я вам всё покажу... Я уже вам говорил, что вы можете звать меня просто Ральс?

Он подтащил Гая к дверям соседнего здания. На стене располагалась дощатая вывеска с аккуратно приколоченными, каждая тремя крошечными гвоздиками, медными буквами. Надпись гласила:

ДЕМИЗА И ДЕМИЗА

Механизмы и оружие. Продажа и ремонт.

Консультации.

Внизу белой краской и значительно мельче было дописано.

Починка и чистка ламп.

Ещё ниже и совсем стыдливо-мелко.

Паяльно-лудильные работы. Восстановление посуды.

Перед входом Ральс на мгновение замер и обернулся.

– Тари! Что ты стоишь как дольмен на пустоши?! Разве не видишь, что у нас гости. Немедленно займись делом. Сейчас же накрой на стол, пока молодой человек ещё не умер с голоду...

С этими словами он затащил Гая внутрь.

Передняя комната, судя по всему, служила мастерской. Её практически до краёв заполняли верстаки, стеллажи с деталями и инструментами, разнообразные станки и устройства неизвестного Гаю предназначения, и просто груды хлама. Дальний угол, обитый металлическими листами от пожара, был занят горном, миниатюрной плавильней и наковальней. Под потолком громоздились какие-то шестерни, колёса, ремённые и червячные передачи, цеплявшиеся телеграфисту за волосы.

– Резервный ветропривод, – гордо пояснил Ральс, пока Гай пытался отцепиться от особо коварного приводного ремня, – для экономии топлива и воды в котлах. Сначала я хотел провести вал от колеса на реке, но возникла проблема, как быть зимой, да и муниципалитет возмутился. Я, видите ли, живу слишком далеко от берега, и передача будет мешать остальным жителям ходить... Ретрограды!

Гай выпутался из механизма и теперь старался передвигаться аккуратнее. Механик тем временем продолжал.

– Сейчас обдумываю вариант с электричеством, но нужна медь и придётся заказать кое-какое оборудование на востоке. Однако думаю в ближайшее время попробовать сделать хотя бы экспериментальный генератор.

Он провёл Гая в соседнюю комнату. Здесь, судя по мебели и кружевным салфеткам, кто-то очень старался поддерживать жилой вид. Увы, битва за уют явно проигрывалась неукротимо расплывшимся из мастерской инструментам, оборудованию и механизмам. Целый угол уже занимала огромная чертёжная доска, увешанная массой каких-то рычагов и неизвестных Гаю приспособлений.

Ральс сгрёб с обеденного стола кучу чертежей и схем, придавленных циклопической рейсшиной, и свалил их в угол, прямо на стулья.

– Тари! Сколько можно возиться? Что наш гость о нас подумает?!

– Сейчас, папа, минуту... – донёсся из соседней комнаты голос девушки, перемежаемый звяканьем не то посуды, не то инструментов.

– Справа на плите в кастрюльке битум! – крикнул ей Ральс, занятый разглаживанием скатерти – я грел его, чтобы замазать ту дырку, не перепутай...

– Я не перепутаю, папа, – донеслось из-за двери, – не переживай.

Ральс пододвинул Гаю стул.

– Итак, молодой человек, вы наш новый телеграфист, как я понял?

Тот кивнул.

– Отлично, отлично, – механик возбуждённо потёр руки, – мы довольно-таки давно пребывали фактически отрезанными от цивилизации...

– Я постараюсь это исправить, – заверил Гай, – мне только может понадобится немного времени, чтобы разобраться с состоянием оборудования.

– Об этом не беспокойтесь. Аллий содержал его в хорошей форме. Конечно, если бы он чаще обращался ко мне за помощью, оно было бы ещё лучше...

Тари внесла поднос с чугуном и пару тарелок.

– Лапша по-западному, – сообщил Ральс.

– Мы немного усовершенствовали рецепт, – девушка мило улыбнулась Гаю.

– Я уверен, что арругийская кухня способна улучшить даже здешние варварские кулинарные традиции, – Ральс пододвинул ему тарелку, – попробуйте.

– Арругийская... – Гай чуть отпрянул и с большим подозрением оглядел мясо и соус в тарелке.

– Честное благородное слово, только травы! – оправдательно воскликнула Тари.

– Это лишь дремучие предрассудки, мой юный друг, – с назиданием произнёс механик, – вы же образованный человек. Руководствуйтесь логикой, а не замшелыми традициями! Мы живём в эпоху торжества разума и науки, юноша, и должны соответствовать времени! Вот наш доктор, мастер Саэнтиос, к примеру. Совершенно лишён предрассудков, хоть и иностранец.

– Ну, они у себя в Элларе даже мух едят, – пробормотал Гай, – я, лично, никогда не понимал этой моды. А уж восточные кухни...

– Не мух, – воздел палец Ральс, – всего лишь некоторых особо крупных и питательных насекомых. Это большой шаг вперёд, и в свете непрерывно растущего населения мира, нам тоже не следует быть консервативными в отношении выбора рациона. А каноничная восточная кухня, с её дремучими запретами на мясо любых водных животных и рыб, как раз-таки выражено отрицательный пример в этом отношении. Крайне нерациональное отношение к доступным пищевым ресурсам.

– Не слушайте, – перебила его Тари, – всё в порядке, я знаю, что некоторые наши традиции, хм... не очень благоприятно воспринимаются в других краях. Поверьте, никаких грибов, ящериц и лягушек, исключительно травы.

– Грибы-то ещё ладно... – Гай вытер платком лоб и неуверенно взял в руки вилку.

– Макароны изделия – местная традиция, – добавил Ральс, удобно хранить в любое время года.

– Я так понял, вы знали моего предшественника, – Гай осторожно попробовал блюдо.

– Бедняга Аллий... Не то чтобы мы были друзьями. Да. Скорее даже не были. Но всё равно. Думаю, вы окажетесь в большей степени открыты новым идеям. Аллий определённо являлся консерватором. Он отказался от моего автоматического сортировщика почты. Представляете!

– Папа, – осуждающе сказала Тари, – дай Гаю хотя бы прийти в себя, он только вчера приехал, к тому же на испытаниях твой сортировщик крошил всё содержимое почтовой корзины в мелкие полоски.

– Это была небольшая ошибка в расчётах. Я всё уже исправил! Ладно, оставим сортировщик. Вот лучше мой новый барометр. Хотите купить мой усовершенствованный барометр?

– Не очень им доверяю, если честно... – пробормотал Гай, жуя.

– Зря. Всё дело в неправильной градуировке. Все эти «ясно» и «пасмурно» рассчитаны на работу на уровне моря. А мы почти на милю выше. И атмосферное давление здесь меньше. Стандартные шкалы исходят из того, что в норме высота ртутного столба должна быть практически равна двум локтям. Но в наших условиях она уже на целый дактиль меньше. В итоге они постоянно предвещают дождь. Даже в засуху. Я переградуировал шкалу, так что вы можете быть уверенными в точности. К тому же я приделал к нему психрометр!

– Папа. Не думаю, что Гай сейчас расположен интересоваться твоими модернизациями...

– Жаль. Очень жаль. Они должны крайне ему помочь...

– А вы не в курсе, почему с Аллием это случилось? – спросил Гай.

Ральс поморщился.

– Неприятная история. Не хотелось бы вспоминать. Давайте поговорим лучше о чём-нибудь другом.

– Вы здесь давно живёте? – сменил тему Гай.

– Семь лет. Переехал с юго-восточного побережья, где мы прожили несколько лет... Мне показалось, что там слишком мало цивилизации. Ба! Если бы я знал, что вся Окциденталия такая дыра, вообще остался бы дома.

– Здесь ты за год зарабатываешь столько, сколько в Старом Свете не заработал бы и за всю жизнь, – язвительно заметила Тари, возившаяся с чайником.

– Не перебивай, это невежливо. Конечно, в этом ты отчасти права. Но ты просто не представляешь, что такое настоящий Старый Свет. Настоящая цивилизация. Тебе и шести не исполнилось, когда мне пришлось податься в Окциденталию. И всё этот твой дядюшка Брази с его тупыми идеями... Не хочу даже о нём вспоминать.

– Он твой брат, папа.

– Ничего подопного. В нашей семье не должно быть таких беспринципных плоходимцев! Не смей даже заикаться про него...

Ральс побагровел и слегка пристукнул кулаком по столу.

– Демиза всегда были почтенным и уважаемым семейством, – он вздохнул уже спокойнее, – хотя и не слишком... э-э-э... зажиточным.

– Скажи уж честно – нищим.

– Ничего подобного, Тари. Это всё враньё твоего дядюшки. Мы жили вполне пристойно. По праздникам у нас даже мясо на столе было! По большим, конечно.

– И сколько в году праздников?

– Нет, вы только на неё посмотрите, – пожаловался механик, – никакого уважения к старшим. Мяса ей подавай. Вот была бы жива её мать... Эх. Клянусь, это всё тлетворное влияние Брази, будь он неладен. Заморочил девочке голову всякой ерундой. Как будто всё на свете так уж просто. А ещё эти модные платья, которые он всегда поощрял? Вы их видели? Ужас и бесстыдство. Не удивительно, что все мужчины вокруг неё только и мечтают, как бы... Кстати, вы знаете, что по статистике на западе мужчин втрое больше? Я как-то просматривал статистический ежегодник...

– Неужели? – несколько деланно удивился Гай, обрадованный шансом, что их разговор может хоть немного отойти от семейных проблем и воспоминаний.

– Да, да. И это большая демографическая проблема. А ещё здешняя дикость. Я прилагаю титанические усилия по воспитанию Тальстин как настоящей дамы, но это так сложно в этой глуши. Книги приходится заказывать чуть ли не за океаном. Кстати, мы можем как-нибудь обсудить с вами скидки на доставку бандеролей из Старого Света? А то на этом диком континенте можно раздобыть только бульварное чтиво и непристойные журналы, которые они почему-то называют каталогами дамской моды...

Тари обиженно фыркнула. Ральс сделал вид, что ничего не заметил, и продолжал.

– Когда-нибудь я вернусь назад. В Старый Свет. И у меня будет собственный дом с лестницей. Что там, с тремя лестницами! Почётное бархатное кресло на собрании гильдии... И моя дочь должна быть надлежащим образом воспитана, чтобы не позорить уважаемого человека, ведя себя так, будто она выросла в лесу.

Он бросил гневный взгляд в сторону Тари.

– Так я и выросла в лесу, – заметила та с невинным видом.

– Нет, вы только поглядите на неё! Какой острый язык. Вся в мать...

Гая определённо послышалась в словах Ральса затаённая гордость.

– Я слышал, что железную дорогу хотят продлить, – сказал он, отодвигая пустую тарелку. Лапша по-западному оказалась неожиданно вкусной.

– Да. Хотя до сих пор идут дебаты как именно. Одни стоят за то, чтобы протянуть ветку к нам, другие – к Кедровому броду. Там есть удобный спуск в каньон, и не потребуется отдельная станция. Опять же – Южная Тропа рядом.

– Тогда почему всё ещё спорят? – удивился Гай.

Тари расставила чашки и стала разливать содержимое чайника. Над столом потянулся пряный шоколадный аромат.

– Предполагается, что в горах за Острогом есть большие месторождения олова и меди. А дальше, к Хребту Белых Источников, ещё и золота. Если это так, то дорогу поведут сюда.

– Ясно. А кто-нибудь точно знает, есть ли эти месторождения?

– Лустроний. Он самый большой сторонник этой идеи.

– Лустроний?

– Маний Лустроний. Пожалуй, самый богатый из горожан. Если, конечно, не считать, что он не совсем горожанин. Скорее бывает здесь наездами. Он совладелец железнодорожной компании и собственник половины земель в окрестностях. Поэтому и считается почётным гражданином Острога с правом голоса на собрании.

– Надутый тип и сноб, – прокомментировала Тари, – и прожектёр. Мечтает провести железную дорогу на запад до самого моря. А сам без охраны и носа из дома не высунет.

– У каждого может быть своя мечта, – пожал плечами Ральс, – так или иначе, но он оплатил несколько геологических экспедиций и клянётся, что город озолотится, если железная дорога будет построена здесь. Но убедить в этом больших шишек из руководства компании пока не смог. Те прислали свою комиссию.

– И что? – Гай отхлебнул из чашки, приятное тепло разбежалось по телу.

– В начале лета всех геологов перебили туземцы где-то в предгорьях Хребта Белых Источников.

– Какой ужас!

– И не говорите. Будто не в наш век живём, – Ральс сокрушённо покачал чашкой, – бедняги так и не успели толком ничего выяснить про месторождения. А железную дорогу планировали начать строить ещё в этом году. Даже не знаю, отложат ли теперь строительство или нет.

– Я и не предполагал, что туземцы на такое способны... – Гай поёжился.

– Дикие люди, – кивнул механик, – к счастью в наших местах их уже давно не было. Впрочем, хорошо вооружённому человеку практически ничего не грозит. Ружья и сталь правят миром. Кстати, я занимаюсь ремонтом оружия. Если ваше нужно будет, к примеру, слегка усовершенствовать...

– У меня нет оружия, – признался Гай.

– Что?! – Ральс чуть не расплескал содержимое чашки.

– Наверное, в конторе должно что-то быть. Принадлежащее компании, – смутился юноша.

– Наверное... Вы же телеграфист. Вам рано или поздно нужно будет ехать на линию. И что вы там будете делать без оружия? В степи? Или в горах? Как только можно быть таким беспечным...

– Думаю, Гай просто ещё не очень хорошо освоился в наших краях, – вступилась за него Тари.

– Мы его освоим, – заверил Ральс, – у меня как раз есть в продаже несколько крайне подходящих образцов. Очень недорого. В отличном состоянии.

– Я обязательно с ними как-нибудь ознакомлюсь, – засуетился Гай, – но мне ещё нужно вернуться в контору и заняться инвентаризацией.

Днём помещение казалось меньше и ещё более запустелым. При свете можно было различить внушительные залежи пыли и украшенную трупиками мух кисею паутин. Гай с любо-

пытством оглядел коллекцию рогов на стене. В основном они принадлежали разным видам оленей, но попадались антилопы, бизоны, бычьи и ещё какие-то Гаю неведомые.

Налюбовавшись, он прошел через пыльную комнату к прилавку и ширме. Телеграфный аппарат был запылён, но выглядел исправным. Гаю бросились в глаза отпечатки сапог, нарушавшие девственную ровность толстого слоя пыли.

– «И когда я успел столько натоптать? Наверное, это Сертий и Тари пока меня будили».

Он задумался и ещё раз скептически осмотрел следы.

– «Нет. Это не Тари. Точно. С таким-то размером сапога».

Поражённой догадкой Гай заглянул дальше за ширму и похолодел. Несгораемый шкаф был распахнут настежь и его содержимое вывалено на пол.

– «Пока я лопал макароны, кто-то забрался в контору!!» – пронеслось в голове, – «проклятье! Касса! Деньги!!»

Он бросился на колени и заглянул в холодное нутро сейфа. Аккуратно завернутые в восковую бумаги цилиндрики и кирпичики невозмутимо лежали на нижней полке. Гай вынул один из распечатанных столбиков и вытряс на ладонь тусклый серебряный кругляшок. С его чеканного аверса на него с укоризной глядел увенчанный короной и кутавшийся в заколотый фибулой плащ монарший профиль.

Дрожащими руками телеграфист убрал монету обратно и стал разбирать лежавшее на полу. В основном переплетённые в кожу тетради учёта телеграмм и почтовых отправок. Он наугад открыл несколько и пробежал глазами по аккуратно разграфлённым листам. Почерк у его предшественника был отвратительный, Гай едва мог разобрать написанное.

Кроме тетрадей в общей куче нашлись какие-то расписки, несколько конвертов, пустые бланки, пара листов почтовых марок.

Он бессильно сел прямо на пол и тупо посмотрел на вскрытый сейф.

– «Но зачем?»

Через пару минут ему в голову пришла новая мысль. В спальне должен был храниться бухгалтерский журнал.

Гай поднялся и направился в спальню. Зайдя внутрь, он в голос выругался, что, скажем честно, бывало с ним крайне редко.

Служившая кабинетом и спальней комната была перевёрнута вверх дном. Шкаф, сундуки и тумбочка открыты, кровать завалена пропахшей нафталином одеждой, книгами и свитками. На полу под ногами шуршали бумаги. Кажется, единственной непострадавшей частью обстановки был пюпитр с молитвенником, сиротливо пылившийся в дальнем углу.

Гай почесал в затылке, потом бесцельно прошёлся по комнате. Нашёл в общей куче гротеск, повертел в руках и хотел положить на тумбочку. Но там уже лежала книга, видимо заинтересовавшая неведомых грабителей. По крайней мере, она не валялась с остальными на кровати, а была аккуратно помещена на тумбочку у двери, как будто те перед уходом её просматривали. Это была книга большого формата, в аккуратном кожаном переплёте, довольно затёртом от частого употребления, но без названия.

Гай взял её и покрутил в руках. Книга была тяжёлой, судя по весу и корешку – на хорошей бумаге, обычно идущей на печать гравюр. Он распахнул её наугад, посмотрел на рисунок, густо покраснел и захлопнул. Быстро положил обратно на тумбочку и нервно протёр руки о полы костюма. Некоторое время задумчиво рассматривал неподвижно лежавший том, затем вернулся к осмотру комнаты.

Он понятия не имел, что могло пропасть. В конце концов, он видел комнату только мельком ранним утром. И тогда ему было не до подробного её изучения. Гай подошёл к пюпитру и взглянул на молитвенник. Ненарушенный слой пыли позволял сделать вывод, что книгу уже давно не трогали. Он взял её в руки. С обложки посыпались крупные хлопья, на деревянной глади пюпитра остался чёткий прямоугольный отпечаток.

Гай раскрыл молитвенник. Обычное дорожное издание. Мелкий шрифт, множество глав и параграфов с подробными комментариями и уточнениями назначения и обстоятельств, когда лучше какой раздел читать. Штемпель телеграфной компании внутри обложки – книга была штатным инвентарём конторы. Тонкая бумага пожелтела по обрезаю от времени, но внутри оставалась чистой и ровной. Судя по всему, открывали книгу исключительно редко. Если вообще открывали.

Гладкость нечитанных страниц нарушала едва заметная прямоугольная выпуклость. Как будто между ними было вложено что-то чужеродное. Из любопытства Гай пролистал дальше и обнаружил залипший между страницами листок. Точнее несколько листков.

Большой представлял собой аккуратно сложенный кусок тонкой, но плотной бумаги. Судя по рваному уголку, раньше он был куда-то вклеен, но затем вырван. Гай развернул плотно слежавшуюся бумагу. Это оказалась обычная пятимильная топографическая карта. Гай различил жирные полосы рек и тонкие контуры изолиний. На карту были чернилами от руки нанесены какие-то символы и значки, иногда с подписями. Почерк был округлым и ровным, почти каллиграфическим.

Ручей, выходы пирита... Скала, косой взброс, мергель... Дайка, направление северо-восток с уклонением к востоку...

Смысла подписей Гай особо не понимал, но догадался, что это пометки геологов. Символы тоже напоминали минералогические.

Он сложил карту обратно и посмотрел на оставшиеся листки. Судя по всему, они были вырваны из блокнота или чего-то подобного и густо исписаны карандашом с обеих сторон. В отличие от карты почерк был корявым и неровным. Видимо писали в спешке или не в очень удобном месте. Плюс ко всему текст изобиловал сокращениями и непонятными терминами.

Денуд. равн. Больш. каньон к сев-зап. Базальт. Гнейс. Постделюв. глины по дну. Речные наносы мал. мощн. Зал. 2 шурфа. Результат отриц. Завтра переносим лагерь нов. место. Может хоть комаров будет меньше.

Единственное, что смог понять Гай из всей этой абракадабры – перед ним записки геологов. Возможно, покойный Аллий интересовался геологией и забыл их в этой книге. Странно, конечно, что именно в молитвеннике.

Гай сложил листки, вложил их обратно и вернул книгу на пюпитр. Потом взял грессбух и направился к сейфу. Тщательно пересчитал деньги и сверил с записями в книге. Положил грессбух на прилавок, надел шляпу и направился к выходу. По дороге остановился, и вернулся в спальню. Забрал с тумбочки том с гравюрами, и после некоторого размышления убрал его на самое дно шкафа.

Префектура занимала отдельный и довольно большой дом на главной площади Острога. У крыльца на толстой жерди вяло колыхался выгоревший на солнце штандарт с аббревиатурой **ПНК**. Официально она расшифровывалась как «Префекторий Народа и Коллегий», но острословы давно придумали массу альтернативных вариантов типа «пришёл нам конец», «путь на каторгу» или «подойдём, наорём и конфискуем».

Гай миновал традиционную приветственную вывеску – «мы сделаем ваш день» – и зашёл внутрь.

Там было пусто, и стоял лёгкий запах оружейного масла и отчего-то яичницы с укропом. За конторкой сидела хмурая девушка и листала какой-то журнал. Услышав входящего, она отодвинула журнал в сторону и посмотрела на Гая. У неё было крупное скуластое лицо с на редкость мрачным и серьёзным выражением, и холодные серые глаза. А вот нос, на вкус Гая, казался несколько длинноват и портился широкой, чуть квадратной спинкой у переносицы, впрочем, это немного компенсировалось симпатичными ямочками на щеках. Стянутые в пучок на затылке волосы были длинные, жёсткие и чёрные, как конская грива. Чуть повыше

воротничка её точёную шею охватывал вышитый бисером и серебряными бляшками кожаный ремешок, больше напоминавший ошейник, нежели кольцо. Спереди к нему был подвешен внушительного размера плоский и чуть иззубренный по ребру клык неизвестного Гаю зверя.

– Что случилось? – поинтересовалась девушка с металлом в голосе.

– Я ваш новый телегра... – начал Гай.

– Я в курсе. Вы зашли только представиться?

Гай отрицательно замотал головой.

– Значит, что-то всё-таки случилось? И когда только успели...

Несколько сбитый с толку Гай лишь кивнул в ответ.

– Вы так и собираетесь объясняться жестами? Между прочим, я прекрасно понимаю полтимски.

Скрипнула дверь, запах яичницы резко усилился и в комнату ввалился грузный толстяк со сковородкой в руках. Судя по круглому нагрудному жетону, это был один из сотрудников префектуры. Судя по тому, что значок был серебряным – не рядовым её сотрудником.

– Всё готово, Гвейдд... А... О. Что-то случилось?

– Взлом. Сейф. Телеграфная контора, – выпалил Гай.

– Ага, – сказала девушка, – деловито извлекая из-под конторки толстую регистрационную книгу.

– Ого! – воскликнул толстяк, взмахнув сковородкой так, что Гай всерьёз испугался за будущее яичницы.

– Как много украли? – девушка обмакнула перо в чернильницу, и ожидающе посмотрела на телеграфиста.

– Нисколько, – сообщил Гай, – то есть все деньги на месте, а насчёт...

– Вы что, издеваетесь? – девушка возмущённо метнула перо обратно в чернильницу.

– Нет, – обиделся Гай, – ничуть. Кто-то вломился в контору, перевернул всё вверх дном, но если верить отчётности все деньги на месте.

– Может что-то другое пропало? – с надеждой в голосе поинтересовалась девушка.

– Не знаю, – развёл руками телеграфист, – понимаете, я только вчера приехал и ещё не успел...

– Нет это вы должны понимать, – девушка строго поглядела на Гая, – кража со взломом должна включать в себя кражу. Обязательно. Иначе не бывает.

– Но...

– А взлом без кражи не числится в списке правонарушений. Я не могу такое написать в журнале регистрации. Это максимум нарушение общественного порядка... Кстати – а что вы делали в момент взлома?

– Я?! – оскорбился Гай, – я обедал. У меня даже свидетели есть!

– То есть, как причинение беспокойства тоже не выйдет – девушка в задумчивости закусила кончик пера, – может как порчу имущества. Замки сильно пострадали?

– Замки? Нет. Такое впечатление, что всё вообще открыли ключом...

– Нет, вы всё-таки издеваетесь, – девушка отложила перо и мрачно уставилась на Гая, – как я должна зарегистрировать преступление? Ничего не украдено, ничего не сломано. В чём тогда вообще проблема?

– Не спеши Гвейди, – вмешался толстяк, – сейчас мы что-нибудь придумаем.

– Придумаем? – девушка обернулась к толстяку, – вы то придумаете, а вот с кого шеф Муммий три шкуры спустит за бардак в отчётности? Может угадаешь?

– Да не переживай ты так, – махнул рукой толстяк, – лучше попробуй, пока не остыла.

Он широким жестом сбросил со стола на пол какие-то бумаги и водрузил туда сковородку.

– Шеф – милейшей души человек, – добавил толстяк, – когда трезвый, конечно...

Девушка внимательно посмотрела на яичницу и слотнула. Взгляд Гая тоже направился к сковороде. В её чугунных объёмах шкворчала и пульсировала нежная бело-жёлтая плоть блюда, сквозь которую проступали крупные ломти бекона и тщательно накрошенная зелень. Телеграфисту подумалось, что, пожалуй, обед у семьи Демиза на самом деле был не таким уж и сытным. На лице девушки отразилась явная внутренняя борьба.

– В принципе, – начал Гай, – я не то, чтобы тороплюсь...

Выражение лица девушки стало чуть мягче.

– Обо мне что-то говорили? – донёсся низкий и чуть хриплый голос.

Толстяк едва заметно вздрогнул. Девушка чуть побледнела, вскочила с табурета и вытянулась во весь рост, нервно сдёрнув читанный раньше журнал вниз на сиденье. Гай с некоторым удивлением обнаружил, что она была очень высокой. Выше него самого.

– Шеф Муммий. Мы. Мы только...

– Тише старшина. Тише.

– Но шеф...

Вошедший был высок, худ и костляв. Его тощее лицо, казалось, даже чуть заострялось к подбородку, и загорело до цвета хорошо выдубленного ремня, а синие глаза почти утонули под кустистыми седыми бровями. Голос у шефа был спокойный, негромкий, но заставлявший Гая отчего-то вздрагивать.

Муммий посмотрел на сковородку

– Кажется я уже говорил, что пищу следует принимать на кухне.

– Шеф, мы же... – начал толстяк

– Уберите это отсюда. Живо.

Толстяк с видом приговорённого забрал сковородку и удалился. Девушка проводила яичницу печальным взглядом.

– Итак, – по-прежнему спокойно и негромко поинтересовался Муммий, – что случилось?

– Гай. Гай Нердий Коналла. Меня зовут, – не попадал ответил телеграфист.

– Вроде бы кто-то вломился в телеграфную контору, – уточнила девушка, – но ничего не украл и не сломал.

– Отлично, старшина Гвейддан, но лучше пусть он сам расскажет.

– Старшина. Гвейддан, – Гай изумлённо посмотрел на девушку; в его представлениях полицейский старшина должен был являться пожилым дородным и хозяйственным мужчиной с усами и при орденах. Когда шеф упомянул его первый раз, Гай решил, что это относится к толстяку с яичницей.

– Старшина Гвейддан мап-Дальпи вай-Лиаини Дервендейл с вашего позволения, – строго произнесла девушка.

– Думаю, наш гость может себе позволить называть тебя не так официально, – шеф Муммий пододвинул стул и опустился на него задом наперёд, сложив руки на спинке перед собой.

– Я внимательно слушаю, – тихо добавил он.

Гай сбивчиво пересказал суть.

– Регистрировать действительно нечего, – подытожил Муммий, – однако факт преступления налицо. Я попрошу своих людей осмотреть контору. А вам, думаю, стоит переговорить с префектом.

Краем глаза Гай заметил, как за спиной шефа в приоткрывшейся двери появилось уже знакомое лицо толстяка, активной мимикой и жестами пытавшегося сообщить, что яичница заканчивается. Старшина Дервендейл, стоявшая рядом, лишь молча закатила глаза в ответ.

– Можешь идти, Гвейд, – не оборачиваясь, сказал шеф Муммий, – я провожу его к префекту сам...

По дороге Гай украдкой бросил взгляд на журнал, оставленный старшиной на табурете. К его несказанному удивлению это был оружейный каталог.

Префект оказался крупным, скорее мускулистым, нежели полным мужчиной лет сильно за тридцать.

– Десдерий Лигнар, префект – представился он, протягивая руку.

Кисть Гая просто утонула в его огромной как лопата, и мощной как тиски ладони.

– Очень приятно, – Гай высвободил руку и украдкой потёр сдавленные пальцы.

– Наш новый телеграфист, – сообщил шеф Муммий.

– Уже наслышан, наслышан. Присаживайтесь.

Десдерий придвинул ему кресло. Кабинет префекта располагался на втором этаже и был обставлен даже с некоторой роскошью.

– В телеграфную контору проникли неизвестные, – доложил Муммий, – я пошлю людей, чтобы они всё осмотрели...

Гай нервно поёрзал на сиденье, вспомнив про книгу в шкафу.

– Это пока необязательно, – махнул рукой префект, заваливаясь в своё кресло, – ничего ведь не украли?

– Да, – быстро кивнул телеграфист, – именно так.

– Раз нет ущерба, значит нет преступления, – констатировал Десдерий, – думаю пока не стоит поднимать шума. Ты же представляешь какие слухи пойдут, Мум? «Бандиты пытались ограбить телеграф в Остроге». Дней через десять в Кедровом Броде рассказывать будут уже самое меньшее о налёте с перестрелкой. Причём рассказывать будут «очевидцы»...

Префект усмехнулся.

– Как скажете, – пожал плечами шеф Муммий.

– Скажу, пока попридержи лошадей, Мум, убийство Аллия и так сильно подпортило нам репутацию. Не думаю, что образ бандитского гнезда пойдёт сильно на пользу Острогу.

– Не пойдёт, – согласился тот.

– Вот и я так думаю, – префект водрузил огромные ладони на стол перед собой, – можешь идти, Мум, а мы с молодым человеком ещё побеседуем.

Тот пожал плечами и молча вышел.

– Как вам наш город? – поинтересовался префект.

Гай посмотрел в распахнутое окно, где открывался вид на лесистые холмы и далёкие горы.

– Красивый... Я немного по-другому всё представлял.

– Конечно, – рассмеялся Десдерий, – все по-другому представляют. Пограничье – дикое место, где могут убить и ограбить ни за что, ни про что. Не верьте. Это фуфло и ерунда. Здесь живут такие же нормальные люди, как и везде. И, как и везде, здесь есть закон.

– Не сомневаюсь, – согласно кивнул Гай.

– И этот закон – я, – префект заулыбался, сверкнув белыми ровными зубами, – это, конечно, преувеличение, но не такое уж сильное.

Гай улыбнулся в ответ.

– Пока у вас ничего не пропало, не будем суетиться, – уже серьёзнее произнёс Десдерий, – скорее всего это чья-нибудь хулиганская выходка, либо кто-то испугался за свою любовную переписку с чужой женой. В любом случае я постараюсь довести до сведения горожан, что каждый, кто посягнёт на собственность компании или вашу, будет иметь дело со мной. Это их отрезвит.

Он оценивающе посмотрел на Гая.

– И ещё. У вас есть оружие?

– Н-нет. То есть пока нет. То есть я видел ружейный шкаф в подсобке конторы, но ещё не посмотрел, что там.

– Стоит обзавестись. Не то, чтобы вам в городе что-то могло угрожать. Уж поверьте, Острог много безопаснее чем какой-нибудь тёмный столичный переулок.

– Это уж точно, – не сдержался Гай, вспомнив студенческие годы в Айреме.

– Но за городом. Вот там да. Там лучше быть вооружённым.

– Мне уже говорили, – признался Гай.

– Отлично. Когда надумаете – обратитесь к Демизе. У него хороший выбор. Главное, сколько бы он не просил, торгуйтесь и сбивайте. Возьмёте за полцены. В отличие от братца Ральс никудышный торгаш.

– Братца? Да, мастер Демиза что-то говорил такое...

– А, вы уже слышали, – расхохотался префект, – ну радуйтесь, что его нет в городе. Ни один грабитель не обчистил бы вашу контору так чисто как Брази Демиза.

– Он что – бандит? – удивился Гай.

– Нет. Что вы. Он торговец. Да такой, что даже бедуину может песок продать... Причём тем же и накопанный. На ваше счастье он загремел под арест где-то на юге.

– Арест? – Гай окончательно перестал что-либо понимать.

– Последнее, что я про него слышал – ему впаяли сорок суток за оскорбление общественной нравственности. Он, правда, как говорят, клялся, что это всего лишь репродукции классических кендийских скульптур и фресок...

– Скульптур и фресок... – повторил Гай.

Он вспомнил про книгу в шкафу, и его уши начали медленно гореть, но префект, видимо, ничего не заметил.

– Так что у нас в городе, вам решительно ничего не грозит – подытожил Десдерий, – мои люди надёжно оберегают закон и порядок. Отличные ребята. Как на подбор. Впрочем, вы же сами их видели.

Гай кивнул, и спросил.

– А эта девушка? Там внизу. Она старшина?

– Гвейд? Да, – лицо префекта заметно скисло, – это всё магистраты. Они заставили меня её взять потому, что она наполовину туземка. Просто взяли и заставили. Как и того мелкого шемеканца. По их мнению это, видите-ли, сделает работу префектуры более эффективной. Надутые идиоты. Лишние полдюжины стволов, вот что сделает работу префектуры более эффективной, а не два знатока и переводчика... Для полноты картины нам теперь не хватает только троглодита. А что – вон Швабра прекрасный кандидат. Не удивлюсь, если к следующим выборам им что-нибудь подобное в голову и стукнет. И плевать, что мы с Мумом были против. Впрочем, буду честен, Гвейд на редкость ответственный и исполнительный работник. Ей даже впервые за пятнадцать лет удалось привести в порядок наши архивы и финансовую отчётность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.